Озеров Н

1.05.91

«Товарищ Озеров, умерьте свои эмоции. Леонид Ильич и так сильно переживает».

Собеседник — 1991 — № 17 — с. 14

МАЭСТРО

Его голос уже не звучит в эфире. Он не появляется, как прежде, в спортивных выпусках программы «Время». Но когда я смотрю футбол или хоккей и меня усыпляет монотонная речь комментатора, я вспоминаю Николая Озерова. Это он «заставил» меня и миллионы людей моего поколения влюбиться в спорт навсегда.

Говорить с ним легко. Писать о нем — трудно. Потому что Озеров за свою жизнь сумел объять необъятное. Он 45-кратный (!) чемпион страны по теннису (в одиночном, парном и смешанном разрядах). Был футболистом московского «Спартака», играл в одной команде с Сальниковым, Парамоновым, Соколовым. Хоккейный метр Анатолий Тарасов увидел в нем задатки... вратаря. Озеров тогда отшутился: «Вот сделаете мне вратарскую маску, может, и соглашусь». Но в хоккей все-таки не пошел. Потому что, кроме футбола и тенниса, у него была еще одна страсть — театр. Он играл во МХАТе, был близко знаком с Качаловым, Яншиным, Кторовым. Его и так разрывали на все стороны. По признанию Николая Николаевича, был момент, когда он состоял в штате сразу трех организаций. И никто не хотел увольнять. В спектакле «Синяя птица» МХАТа Озеров продолжал играть, уже будучи известным спортивным комментатором. Он успел сняться в 13 кинофильмах. Объездил весь мир. Стал заслуженным мастером спорта, народным артистом РСФСР, лауреатом Государственной премии, а также премии Союза журналистов СССР.

Редкий случай, когда человек-многостаночник оказался не дилетантом, а профессионалом во всем.

— Николай Николаевич, скажите, тяжело быть таким всеядным?

— Пожалуй, да. Пока не ушел на пенсию, у меня не было ни праздников, ни выходных. Но все, чем я занимался, мне очень нравилось.

— Для большинства людей вы в первую очередь — телекомментатор. Когда смотрите сейчас спортивные передачи, вам не хочется включить микрофон?

— Я работал бы на телевидении по-прежнему, если бы не больные ноги. Ходить с палочкой и работать в спортивной редакции — это, знаете ли, нонсенс. Я прекрасно это понимал и все-таки уход с Гостелерадио переживал болезненно. Ведь я провел у микрофона сорок лет.

— Насколько мне известно, вы ушли как-то тихо, без пышных проводов...

— Да. Была, правда, передача «В гостях у Озерова» — с участием известных артистов, спортсменов, космонавтов, — но спортивная редакция ЦТ отношения к ней не имела. Хотя в титрах фигурировала. Не было проводов, ну и Бог с ними! Зато в декабре 1989-го Союз театральных деятелей РСФСР устроил бенефис Озерова во Дворце спорта в Лужниках. В том концерте участвовали 14 народных артистов СССР! Это был незабываемый вечер. Правда, из моих коллег по Гостелерадио пришел только один — Анатолий Малявин.

— Почему? У вас и вашего тогдашнего руководства остались взаимные обиды?

— Мне не хотелось бы говорить на эту тему. Скажу только, что в спортивной редакции ЦТ уже несколько лет царит нездоровая обстановка...

— Что ж, давайте сменим пластинку. Маслаченко, Перетурин, Майоров — это ваши ученики в тележурналистике. Как вы считаете, они превзошли своего учителя или пока не смогли этого сделать?

— Трудный вопрос. Я действительно считаю их своими учениками, но если вы заметили, они ведут репортажи совсем не так, как я. Стараются больше анализировать, давать много околоспортивной информации, а то, что происходит на поле, часто «не замечают». Особенно это относится к Володе Перетурину. Проблемы футбола вскрывать надо, но, на мой взгляд, не в репортаже о матче. Для этого есть газеты, журналы, «Футбольное обозрение», наконец. А в момент игры комментатор должен увлечь зрителя, сделать так, чтобы игра захватила его целиком. В такой манере, кстати, работают все спортивные тележурналисты Запада.

Мои ученики, что бы я ни говорил, мне бесконечно дороги. И Александр Курашов, и Геннадий Орлов, и Анатолий Малявин, и та тройка, которую вы назвали. Все они — профессионалы высокого класса. Если кто-то еще не обогнал меня, обязательно обгонит.

— Вы великодушны...

— Разве это плохо?

— Николай Николаевич, ваш самый памятный репортаж?

— 1963 год. Стокгольм. Чемпионат мира по хоккею. Матч СССР — Канада. Чтобы стать чемпионами, наши должны были выиграть с перевесом в две шайбы. Но при условии, что чехи обыграют шведов, а матч ГДР — США закончится вничью. Шансы на «золото» — почти нулевые. И вдруг чудо начинает сбываться. Наши ведут — 4:0. Поступает информация, что американцы сыграли с немцами вничью. Сборная Швеции, как по заказу, проиграла! Неужели чемпионы? Тут и началось самое страшное. Канадцы сократили разрыв — 4:2, а на последней минуте матча после двух удалений подряд наши ребята остаются втроем. Канадцы меняют вратаря на шестого полевого игрока... Не помню, что именно я кричал тогда в эфир, но, когда наши выстояли, я почувствовал, что сорвал голос. Позже узнал, что за тем матчем, затаив дыхание, следили многие члены Политбюро. Кстати, это был первый хоккейный чемпионат, который транслировался по советскому телевидению.

— Если не ошибаюсь, звание «Заслуженный артист республики» вы получили за работу на телевидении, а не в театре?

— Верно. Формулировка была такой: «За высокое мастерство ведения репортажей по радио и телевидению». Мне, конечно, было приятно, и в то же время я испытывал неловкость. Ведь еще работал Вадим Синявский, мой учитель. Непревзойденный мастер радиорепортажа. К счастью, он оказался человеком деликатным, та награда наших отношений не испортила.

Звание народного мне присвоили в 1973-м. За заслуги в области искусства.

— Вы пришли на телевидение, когда оно еще было «живым». Какие-то курьезные случаи могли бы вспомнить?

— Я — ведущий «Голубого огонька». Незадолго до прямого эфира в студию заходит наш редактор Алан Чумак (тот самый, что заряжает сейчас воду, бумагу и прочее) и говорит: «Коля, спокойно: Юрий Гагарин не приедет. Кто там по сценарию следующий?» «Михаил Яншин», — отвечаю. Чумак смотрит на меня и немного дергается: «Ты знаешь, Яншина тоже не будет. Начинай сразу с третьего». Я пытаюсь выяснить, где же Валентина Леонтьева, и узнаю, что мне придется работать в эфире одному. Чумак бледнеет и жалобно просит: «Только ты не уходи, а то меня уволят...»

Я выкрутился. Но тогда мне было не до смеха.

С Евгением Майоровым тоже приключился забавный эпизод. Уже в наши дни. Приезжает он в Лужники на хоккейный матч, заранее зная, что транслировать по ЦТ будут только 2-й и 3-й периоды. И вдруг узнает, что решили показать весь матч. Майоров интеллигентно выругался, примерно так: «Когда же прекратится этот бардак?» А выключить микрофон забыл. С этих слов и начался тот репортаж.

— Говорят, что и вы с досады, увидев, что шайба попала не в ворота, а в штангу, произнесли в эфире нелитературное слово.

— Не было этого. Такой анекдот про себя слышал, но повторяю: все это выдумки.

— А то, что вы встретили на обочине дороги самого Молотова и довезли его домой на собственной машине,— тоже выдумка?

— Этот случай упомянул в одной из своих книг Рой Медведев. Но Молотова я встретил не на обочине, как написал Медведев, а в гостях у знакомых. Вячеслав Михайлович, как сейчас говорят, немного поддал и, видимо, забыл вызвать машину. Я предложил Молотову свои услуги, он согласился. А выходя из машины, сказал: «Обязательно сообщу внуку, что меня сегодня вез сам Озеров».

— Николай Николаевич, любовь к спорту прежних руководителей страны как-то сказывалась на вашей работе?

— Конечно. Однажды (я вел репортаж о матче с участием советской сборной) последовало указание начальства: «Товарищ Озеров, умерьте свои эмоции. Леонид Ильич и так сильно переживает». Пришлось продолжать комментарий на более низких тонах.

Во время нашей беседы телефон в квартире Озерова звонил постоянно. Его просили приехать на открытие Фонда Льва Яшина, выступить в концерте вместе с Шуровым и Рыкуниным, сняться в передаче, посвященной олимпийским чемпионам. А потом уже сам Озеров звонил в «Советский спорт» в Ленинград, в какой-то оргкомитет и радостно сообщил мне, что спортивное общество «Спартак», цвета которого он защищал, возрождается заново. И что он, Озеров, приложил к этому руку.

Даже сейчас, в 68 лет, он не может угомониться.

Сергей Дадыгин.

Сергей Дадыгин, *специальный корреспондент. Абсолютно не похож на других спортивных репортеров, зато заставил полюбить спорт самых оголтелых его противников.*